

Книги Олега Лукьянова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ЭЛЬВА
ЛИЛИС**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЕГ ЛУКЪЯНОВ

ЛИЛИС

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л84

Серия основана в 1992 году
Выпуск 758

Художник
В. Федоров

Лукьянов О. В.
Л84 Лилис: Фантастический роман.— М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил. — (Фантастиче-
ский боевик).

ISBN 978-5-9922-1130-6

Шаткое равновесие нарушено. В кровавой войне магические миры сошлись с мирами технологическими: андроиды сражаются с нечистью; солдаты в экзоскелетах воюют с колдунами, а Великие, генетически усовершенствованные люди, на равных дерутся с богами...

Одной из сторон суждено погибнуть... Какой? Решать ему — богу, который еще недавно был человеком.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1130-6

© Лукьянов О. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Деревянное колесо старой телеги неохотно проворачивалось и скрипело всем нутром, а шло оно так косо, что казалось, будто постоянно грозит соскочить с толстой оси. Старая кляча, прущая повозку, даже не думала обходить ни один мало-мальски заметный ухаб, и от каждого удара злополучного колеса о дно очередной рытвины раздавался тихий стон... Правда, стонало не ветхое колесо, а лежащий на телеге человек.

Находившийся в массивной железной клетки раненый и кое-как перевязанный мужчина пребывал в бессознательном состоянии. Если не брать в расчет грязную в основном от засохшей крови одежду и болезненный вид, его можно было отнести к весьма выдающимся личностям. По крайней мере, выдающимся размерами — даже в таком положении угадывалось, что рост пленника на порядок превышает средний человеческий, а мышцы... да что там, эта гора мышц с лихвой могла потягаться по размерам с тремя-четырьмя крепкими пахарями. Лицо имело суровое, а возможно, спесивое выражение: широкие скулы, нос с ярко выделенными контурами, заметно выпирающий вперед подбородок — так или иначе, глаза мужчины оставались закрытыми и приписать что-либо еще к характеру незнакомца было затруднительно.

Правда, солдатам, плетущимся позади телеги, было наплевать как на характер, так и на личность пленника — двухдневная пешая прогулка по унылому пустынному тракту являлась не лучшим из средств, возбуждающих любопытство.

На лицах конвоиров читались усталость и апатия, они лениво переставляли ноги и имели такой вид, что казалось, одна только материя с гербом, наброшенная поверх кольчуг, весила больше пуда. Припекающее солнце нещадно нагревало открытые шлемы из сырого железа, но солдаты, опасаящиеся кулаков шагающего впереди сержанта больше, чем солнечного удара, не смели стягивать их с головы.

Только двое, ухитрившиеся оказаться в конце процессии, подальше от злых глаз командира, приняли по глотку из фляги, пахнувшей терпким дешевым вином, и завели неспешную беседу про жизнь простого солдата.

— ...так что вот, — говорил седоусый ветеран, — пилить нам еще до вечера. Но ничего, зато в Белусханде отдохнем, там все есть: бани, кабаки и девки — а что еще нужно bravому солдату?

«Бравый солдат», тот, который выглядел как крепкий и сильный парень, правда совсем недавно вышедший из отроческого возраста, при этих словах быстро облизнул губы.

— Да, поскорей бы туда попасть, а то я, кроме Хамфрида, ни одного города не видел, а он, говорят, больше деревня, нежели город...

— Постой, а Фаронг ты разве не видел?

— Видел, но только издалека. Когда нас из Хамфрида по порталу перебросили в окрестности Фаронга, оказалось, что Великая битва уже закончилась...

— Скорее, это была Великая бойня... — отвернувшись, прошептал ветеран.

— Что?

— Я говорю, повезло тебе, парень, что попал туда, когда все закончилось! Знаешь, сколько таких, как ты, полегло в тот день и ту ночь? Не счастье.

— А ты видел?! — встрепенулся новобранец. Усталость и апатию как рукой сняло.

— Шутишь, что ли? Я там был и видел все от начала и до конца.

— А что там происходило? Расскажи.

— А, брат... ну хорошо, слушай. Утром того дня стоял на утесе над городом Черный замок...

— Что, настолько страшным слыл?

— Да нет, просто был сложен из черного камня — вот и прозвали Черным. Не перебивай... Так вот, говорю, несметная армия, состоявшая из десятков тысяч солдат, из тысяч паладинов и сотен магов, окружила замок...

— Зачем?

— Да не перебивай, говорю! Просто там поселился Звездный демон!

— Что?! — ахнул парень. — Тот самый?

— Да, именно тот, о котором предупредил наш бог Ануид.

— Вот те на...

— Так вот, собрались мы, значит, штурмовать город...

— Подожди, а как же замок?

— Да замолкни ты. Замок в центре города, неужели не ясно, что сначала надо город взять?!

— А-а-а...

— Так вот, только собрались мы, значит, как вдруг ворота распахнулись и навстречу выбежал десяток големов...

— Всего-то?

— Угу, я тоже так подумал: всего-то, а оказалось, что о-го-го сколько. Начали эти големы нас давить, как цыплят, — маги-то их убивают, а они возродиться норовят! Как птица феникс, прямо из пепла! Но хуже всего был золотой голем, который, как оказалось, и не голем вовсе, а Звездный демон... В общем, передал он в том бою солдат изрядно, но потом маги, видать, взяли верх, вот он и решил обратно в свой замок убегнуть, да там и запереться.

— И что потом?

— Ну тогда паладины выступили вперед и повели нас на штурм. Но вот незадача — с неба стали падать железные яйца!

— Что, правда?! — со сладким ужасом в голосе воскликнул парень.

— А то.

— И что, большие?

— Огромные, как два человека...

— И что, вкусные?

Повисла пауза. Ветеран попробовал заполнить ее, пожевывая кончик усов, но вышло не очень, тогда, оторвав взгляд от лица восторженного паренька, злобно бросил:

— Дурак ты, брат, как есть дурак. Они железные, как их было разбить-то?.. Так вот, эти яйца вдруг стали трескаться, и из них начали выходить железные... нет, не големы. А железные Звездные демоны. Вот они-то и принялись нас выпалывать, как хозяйка сорную траву. Ох уж и страха я натерпелся — на всю жизнь хватит. В руках каждого было по сто арбалетов, а...

— И что, правда сто?

— ...Да.

— И что, сто рук было?

— ...Да, сто. Короче, извели бы они всю нашу армию на корню, кабы не священники и не ведьмы, призвавшие легион демонов из Темного мира и светлозарых ангелов из Светлого.

— О-о-о...

— Вот те и о... Да только все равно тяжело пришлось, эти Звездные демоны все время норовили воскреснуть да убить нашего ангела или демона. И даже помощи эльвов оказалось мало.

— Что, самих эльвов?

— Да, дубина, самих эльвов!

— Ну и что дальше-то было?

— А дальше чертовщина какая-то. В небе показались драконы, а потом с ними стали драться стальные птицы, тут у меня веки как свинцом налились, и голова закружилась, будто перебрал, — в общем, уснул я тяжело. А когда проснулся, ничего не понял и что было, ни у кого узнать не смог. Некоторые говорили, что демона убили, другие, что он убег, только вот видел одно — паладины ходили по руинам замка и осматривали каждый валун... Ты чего лицо кривишь?!

— Да то. Брешешь ты все.

— Что?!.. Не веришь мне, спроси вон у любого. Да и во-

обще, вон мы кого в клетке везем — думаешь, святым отцам делать было нечего, если не стали судить его в Фаронге, а повезли в Белусханд?..

— А кто он?

— Ты что, дурак? Вправду не знаешь? Да это же лорд Балаут.

— Не может быть!

— Да точно говорю. Спроси у кого хочешь.

— Что, тот самый лорд Балаут, про которого моя бабка сказки рассказывала?

— Да, тот. Известный во всем мире лорд Балаут... Но теперь, наверное, уже не лорд.

— Да нет... Не может быть... Чего такого удальца судить-то везут?

— Да знаешь ли... Говорят, что он по доброй воле служил этому Звездному демону и в том сражении убил не одного паладина.

— Все равно... Да и непохож он на гиганта. Какой-то доходяга...

В тот самый момент, когда двое солдат устались на уже второй день не приходившего в себя заключенного, пленник вдруг открыл глаза, дернул головой и вскочил... То есть попытался вскочить: сделать это ему помешала низкая, много ниже его роста, клеть.

— Выпустите меня, ленивые твари! — загрохотал узник подобно грому.

— Молчать! — сразу заорал на него пришедший в себя сержант. — Тебя везут судить в Белусханд, и до тех пор ты будешь находиться в клетке!

— Что? Судить? Меня? — искренне не понял очнувшийся лорд, его глаза налились гневом и заблестели, солдаты готовы были поклясться, что в них появились сияющие молнии. — Ах вот вы как? Ну держитесь!

Он упер руки в толстые прутья решетки, и все его мышцы напряглись и выступили — солдатам показалось, что от таких усилий откроются тяжелые раны, но на грязной одежде не выступило ни капли свежей крови. А прутья тем

временем поддавались! Еще секунда, и грозный воин окажется на свободе!

— Убить его! — во все горло закричал сержант, трезво оценив обстановку. Но прежде чем десяток солдат бросились исполнять приказ, живая легенда выбралась из клетки.

Мгновенно образовалась свалка, из гущи которой стали по одному вылетать солдаты. Падая наземь, они замирали в неестественных позах, будто брошенные детьми тряпичные куклы. А когда через несколько мгновений битва прекратилась, вслед за сержантом, сначала высоко поднятым, а потом расплюснутым о дорогу, взору двух охранников предстал дышащий, как разъяренный дракон, герой бабушкиных сказок — лорд Балаут собственной персоной.

Телега без возничего уже ехала далеко впереди — старая кобыла не нуждалась ни в каких указаниях, а Балаут все смотрел и смотрел на двух солдат, замерших, словно соляные столбы. И, наверное уверившись, что те не собираются обнажать клинки, скривился и зашагал по дороге в обратную от Белусханда сторону.

— Ну что, теперь убедился, что это лорд Балаут? — спросил через минуту все еще бледный ветеран.

— ...Убедился, — ответил после паузы новобранец и перевел тоскливый взгляд с удаляющейся фигуры лорда на свои мокрые штаны.

Часть первая ЗАЛТА-16

Глава 1 НАЧАЛО

Человек в громоздких золотых доспехах стоял передо мной и смотрел так, будто собирался убить. Впрочем, ему действительно было наплевать на мою ценность, и он поднимал пистолет с самыми серьезными намерениями. Из-за того что на противнике не было шлема, я видел карие глаза, словно бы стремящиеся пронзить меня насквозь. Его лицо — лицо человека лет тридцати пяти — имело резкие черты и было явно наделено определенными признаками харизмы. За мужчиной с такой благородной внешностью и светящимся взглядом могли пойти многие. Многие, но не я.

Я знал этого человека, возможно, лучше всех. Строго говоря, он был даже не человеком, скорее, биологическим роботом, обладателем ДНК, на порядок отличающейся от нормальной. И еще мой противник являлся убийцей: пройдет по трупам, не испытывая ни малейших сомнений, и в отличие от любого воина не вспомнит о своих павших товарищах. К тому же он давно стал моим врагом: носитель чуждых мне идеалов вызывал в душе холодную кипящую ненависть. И когда в мою руку вложили пистолет, такой же здоровенный, как у него, я не раздумывал ни мгновения: вскинул ствол и надавил на спусковой крючок.

Тяжелые пистолеты с широкими гранями, поблескивающие в свете невидимых люминесцентных ламп, с яркой вспышкой изрыгали из стволов смертоносные металлические конусы. Пули летели навстречу друг другу, но как-то

не так, как им полагалось. Они сделались настолько сонливыми и медлительными, что казались несуразными — я перестал уважать их и опасаться. Да и жизнь вокруг изменила свой темп, вон даже грохот от произведенных выстрелов, пронзающий каждую клеточку тела, прозвучал только сейчас. Может быть, я попал в сказочное царство, настолько сонное, что даже звук здесь распространялся по воздуху едва-едва?

Тем временем пули преодолели половину пути, но не столкнулись, а прошли рядом, при этом не повлияв взаимно на свои траектории. Да и вообще, присутствовала в происходящем какая-то странность: в кино летящие пули крутятся еще и вокруг собственной оси, им это надо, чтобы не упасть бестолково на землю через десяток метров; а здесь они летели, будто ракеты в миниатюре, разве что реактивных сопел не наблюдалось.

На всякий случай я вновь спустил курок и лишь после этого убрал голову с траектории пули противника. Пока та проходила рядом с моей шевелюрой, сделал еще один выстрел, попутно отметив, что «жизнь» моей собственной пули печально оборвалась, она со звоном срикошетила от бронированного и позолоченного доспеха Великого.

Противник тоже оказался не лыком шит, не обратив внимания на вмятину, появившуюся на доспехе, выстрелил и неуловимо быстро ушел влево. Видя, что мои «посылки» проходят мимо адресата, я выстрелил еще дважды, уклонился еще раз и... принял удар массивного кулака, обтянутого позолоченной броней.

Раздался хруст, меня отбросило метра на два от перешедшего к рукопашной Великого Инспектора, но я остался стоять на ногах и даже смог выстрелить в стремительно приближающийся золотой силуэт. А еще — поморщился от запоздалой боли в ушибленных ребрах (фух, всего лишь ушибленных!).

Несмотря на внушительные доспехи, Марк не двигался, а, казалось, перетекал из одного места в другое. Наверное сообразив, что я легко ухожу от его пуль, стрелять он

больше не пытался, решил покончить со мной в рукопашной схватке.

В тесной каморке, где мы сошлись волею судьбы, не было места для маневра, и, хотя я увернулся от второго, третий удар пришелся мне чуть выше переносицы. Мир поплыл перед глазами и едва не померк. Титаническим усилием воли заставил непослушные руки работать: левая рванулась наперехват несущейся бронерукавицы, а правая...

Я подставил ладонь под сокрушительный удар кулака, и показалось, что иссох, как комнатное растение, которое не поливали целую вечность. Остановил чудовищный удар в нескольких сантиметрах от лица, каким-то образом истратив при этом почти всю внутреннюю силу. Бой будет проигран, если мой пистолет, приставленный к незащищенному горлу Великого, по какой-то причине не выстрелит.

Бац.

Предчувствие подвело. Он выстрелил. В первое мгновение пришла мысль, что я промазал: перед самым выстрелом Марк изогнулся и отвел голову в сторону. Но он отступил на два шага, схватился золотой рукавицей за шею, зажимая кровоточащую рану, поднял пистолет, сделал выстрел и быстро выбрался из комнаты.

Пуля врезалась в стену прямо за моей спиной — я сам не помнил, как от нее увернулся. Зато очень хорошо запомнил, что пули, пущенные вдогонку Великому, ни черта его не догнали. Да потому что их вообще не было! Пистолет, не обращая внимания на мои старания, отказывался стрелять! Неужели патроны кончились?!

— Мой господин, нам необходимо немедленно покинуть здание!

С трудом сконцентрировав взгляд на магистре Ордена, который мне поклонился, кивнул.

— Господин, с вами все в порядке? — обеспокоился черноволосый, немного плюгавый на вид магистр.

— Да... не знаешь, почему пистолет не стреляет?

— Перегрелся, наверное, — ответил тот, пожав плеча-

ми, облаченными во что-то наподобие черной рясы. — Я не специалист, но думаю, секунд через тридцать вы сможете сделать несколько выстрелов.

— Ладно, каков план?

— Нам нужно прорваться на стоянку — там ждет машина с верными людьми.

— Ну так не будем медлить, — сказал ему и осторожно высунул голову в коридор.

Коридор оказался пуст, пустовал и главный холл, в который мы с магистром вошли мгновение спустя. Люди, толпившиеся здесь минут десять назад, бесследно исчезли, разбежались при первых выстрелах. Огромный настенный экран телевизора грустно и осуждающе взирал на нас глазами какого-то диктора, сообщавшего в прямом эфире о террористических актах в здании телецентра «Свобода Аливрии». Но я не вслушивался: нам заступил дорогу отряд секьюрити — охрана здания.

Два десятка андроидов, напоминающих киношного терминатора (только вместо стального черепа на туловище надета перевернутая титановая кастрюля с синей полосой в центре), выстроившись жидкой цепью, преграждали выход. При нашем появлении они вскинули энл-фалы, давая мне возможность разглядеть крохотные дырочки в футуристических дулах грозного оружия.

Командовавший ими бритый мужик в объемном коричневом бронежилете даже не стал вынимать пистолет из кобуры: расставил ноги на ширину плеч, скрестил на груди руки и мужественно выпятил челюсть.

— Я начальник охраны телецентра «Свобода Аливрии», — произнес он громко. — Не делайте глупостей. Сложите оружие, или мне придется дать роботам отмашку.

В ответ я улыбнулся, а потом засмеялся. Моя реакция Бритому не понравилась: он дернул щекой и процедил зло:

— Что здесь смешного?

— Столько лет работаешь на студии, а еще не показывали по телевизору? Сочувствую, но предскажу, что в роли

героя ты на экране не появишься, разве что в качестве по-смеша.

Лицо охранника побагровело, глаза налились кровью. Глядя прямо на меня, явно нарушая все инструкции, он бросил:

— Убить их.

Ничего не произошло, разве что я стал улыбаться чуть ласковее и смотреть чуть сочувственнее.

Начальник охраны непонимающе повернулся к андроидам, продолжавшим держать нас на мушке.

— Я сказал, убить их!

Он вновь поглядел на нас, еще веря в то, что наши с магистром изрешеченные тела упадут на пол. Но не произошло ничего. И когда охранник снова повернулся к андроидам, непонимание на его лице сменилось страхом, медленно переходящим в суеверный ужас: все машины обратили оружие в его сторону.

— Как... — прохрипел он, — как вы взломали защитные системы?

Продолжая улыбаться, я прошествовал мимо, открыл двери и выбрался на воздух. Через десять секунд следом за нами с магистром размеренной поступью из здания вышел отряд машин-секьюрити. Они завертели своими головами-кастрюлями, но на полупустынной платформе, служащей одновременно площадью и стоянкой авто, не было ничего, заслуживающего их внимания.

— Интересно, почему нет спецназа или полиции? — пробурчал я. — Даже в мое время антитеррористические организации работали куда оперативнее.

— Господин, — подал голос магистр, — полиция и войска задействованы в боях с нашими людьми. Пока мы держим под контролем основные узлы города. Но скоро к стражам правопорядка прибудет подкрепление и, возможно, армия. Надо спешить.

— Куда?

— В космопорт, господин. А вон и наш транспорт.

Платформа, на которой располагался телецентр «Свобода Аливрии», оказалась самым верхним уровнем горо-

да, и поэтому я хорошо видел небо, похожее на запыленную свинцовую пластину. Кажется, час назад оно имело отвратительно-фиолетовый цвет, но за прошедшее время изменилось многое, так что я почти не обратил внимания на перемену. Мой взгляд был прикован к двум спускающимся с неба драндулетам. По-другому и не сказать, в сравнении с уже привычными изящными формами авто они выглядели как продукт советского автопрома рядом с «мерседесами» S-класса.

Две железные коробки с четырьмя боковыми винтами, закованными в овальные обода, медленно снижались, разгоня бешеным ветром лежащий на платформе мусор.

— Это точно наши? — поинтересовался я.

— Да, господин.

— Что, не могли найти что-то поприличней этой рухляди? — снова проворчал ему.

— Это военные транспортники, господин. Нам стоило большого труда...

Слова потонули в дребезжании воздуха, терзаемого винтовыми пропеллерами опустившегося перед нами стального чудовища. Чуть косые, направленные на меня под углом пропеллеры попытались нас сдуть, но, когда «поняли», что ничего не получится, стали сбавлять обороты. По короткому трапу из открывшегося «бока» выскочили два солдата в черных боевых доспехах.

— Сияющий! Магистр! — отдавая честь, обратился солдат к главе Ордена. — Прошу подняться на борт. Мы оказались без прикрытия, и, возможно, скоро нас станут преследовать.

Дождавшись, когда мы окажемся на борту, он вбежал следом и нажал на кнопку у выхода. Трап заправился, шлюзы стали закрываться...

— Подождите! — крикнул я. — А что насчет моих андроидов? Их надо забрать.

— Сожалею, Сияющий, но на это у нас нет времени!

Пока я обдумывал, почему вдруг превратился в «Сияющего», транспортник взлетел, и менять что-либо стало поздно. Поэтому, отдав андроидам мысленный приказ

атаковать полицейские и военные машины, оказавшиеся в их досягаемости, сел в свободное кресло и осмотрелся.

В тесном транспортнике находилось двадцать с небольшим человек: кресла были заняты солдатами в блестящих черных доспехах, они все как один повернули шлемы и пожирали меня глазами, спрятанными за оранжевыми линзами-визорами. Один из шлемов отвернулся и, как почудилось, обратился с вопросом к магистру. Тот кивнул, и на этом безмолвный диалог закончился.

Тем временем не нашедший себе места и оттого топчущийся в проходе командир взвода обратился к моему спутнику:

— Сэр, я полагаю, вам с Сияющим следует проследовать в кабину пилота. Там безопасней, сэр.

Мой спутник почему-то посмотрел на командира с укоризной и в свою очередь обратился ко мне:

— Не угодно ли пройти в кабину пилота?

Я молча встал и вошел в кабину. Услышав шуршание автоматически закрывающихся дверей, оглянулся и понял, отчего во взоре магистра сквозила такая укоризна: подленький командир взвода сел на освобожденное мною место! Ладно, я тебя запомнил.

Повернувшийся и поприветствовавший нас кивком пилот в первое мгновение меня испугал. Я едва не отшатнулся, схватился за поручень, и только потом дошло, что всюду друзья. Испугавший меня шлем пилота оказался полностью закрытым, без следов визоров и каких бы то ни было линз — на лице голая полированная металлическая плита. А за окнами в это время на бешеной скорости проносились город, летающие машины, какие-то столбы, которые так и норовили врезаться и смять нашу посудину... Ну что может быть для пассажира страшнее, чем слепой пилот?

Как оказалось, пилот все прекрасно видел, он, не отрываясь от экранов мониторов, жестом указал нам на кресла рядом.

Видимо, кратковременный испуг, накрывший меня своей тенью, оставил в сознании какой-то отпечаток.

В душе зашевелились и заворчали какие-то чертики, они жаждали выхода адреналина и требовали крови, а еще хотели найти виновного в произведенном смятении. Еще бы: убежден, что не знаешь страха, уверен, что убил это чувство давно, еще при высадке на Двадцать-четыренадцать, нисколько не страшился армии паладинов или пистолета Великого, и на тебе, испугался какого-то пилота.

Посмотрел на мельтешение красок перед окном, на штурвал перед собой, но так и не обрел присущего мне доселе внутреннего равновесия. Тогда я заворчал:

— Пилот, почему в кабине предусмотрено три места, а транспорт ведешь ты один? Уверен, что это безопасно?

— Да, Сияющий, — глухо отозвался он, — поверьте, я пилот экстра-класса, остальные мне будут только мешать.

В этот момент произошло то, о чем говорили предчувствия. Чувство опасности кольнуло за мгновение до того, как кабина вспыхнула красным, завывла сирена, земля скакнула в сторону. Меня вжало в кресло, пальцы вцепились в подлокотники, но мозг заработал гораздо быстрее обычного. Темной волной нахлынуло огорчение. Я, несмотря на все свое могущество, был беспомощен, как ребенок. Мне оставалось ждать и надеяться.

Увидел, как побледнел прижатый к спинке кресла магистр, как пилот хладнокровно продолжал выжимать из своей посуды все возможное, как за стеклом менялись местами земля, небо, парапеты, эстакады и окна домов. Действительно, только пилот экстра-класса мог хоть как-то ориентироваться в этой круговерти. Я хотел жить, как еще никогда не хотел.

И, словно прочтя мои мысли и почувствовав горящую в душе надежду, пилот, чуть обернувшись, хрипло произнес:

— Все в порядке, Сияющий, нам на хвост сели два штурм-истребителя. Дайте мне только уйти от ракет, и я их встряхну! К сожалению, это старое корыто не оборудовано системами АОН — не обмануть, не сбить.

Как только он это сказал, в голове будто пронесся какой-то импульс. До меня дошло, что тот экран, трансля-

рующей паутину, какую-то сетку и движущиеся по ней красные точки, называется радаром малых объектов. Еще через мгновение в сознании будто бы открылся шлюз, и хлынувший из него поток затопил мозг и едва не раздавил его своим великим весом.

Отцепив пальцы от подлокотников кресла, протянул их к приборной панели, откинул крышку того, что раньше назвал бы клавиатурой, и забарабанил по сенсорной панели. Все, что мне нужно было знать, находилось здесь — в электронных мозгах этого корыта.

Дюжину ракет, преследовавших нас, как свора собак старого лося, я видел каким-то мистическим внутренним зрением. Ярко-красные боеголовки с изображенными на них хищными «акульими ухмылками», небольшой корпус и три хвостовых пера неслись на втрое большей скорости, чем та, которую был способен развить наш транспортник. Единственная причина, по которой они еще не превратили нас в облако плазмы, заключалась в мастерстве пилота. Он бросал посудину из стороны в сторону, нырял под рекламные щиты, в проемы домов, менял уровни и «ставил» пролетающие мимо машины между нами и ракетами. Но стоило ему совершить ошибку, замешкаться лишь на две-три секунды...

Впрочем, вот оно. На экране высветились колонки цифр и данных настолько специфических, что заинтересовать они могли лишь какого-нибудь настройщика на заводе летающих авто. Но мне эти цифры должны были спасти жизнь.

У каждого объекта, будь это авто, устаревший военный вертолет или сверхсовременная прогулочная яхта, существует параметр, который в обиходе называется просто «след». Это своего рода комплекс шумовых и электромагнитных искажений, который оставляет работающая машина. У каждой машины искажения свои, но зато они есть у всех — этим и воспользовались умные головы, которые разрабатывали вооружение для военных. Относительно недавно они создали целый класс оружия с названием «Преследующие ракеты», которые настраивались именно

на эти параметры. А поскольку быстро изменить или замаскировать характеристики двигателей и электроники очень непросто, да к тому же умные ракеты обладали способностью быстро подстраиваться под новые параметры, класс «Преследующие ракеты» получил самое широкое распространение. И вот сейчас их волчья стая запаздывала лишь на каких-то полсекунды.

Я был неколебимо уверен в том, что мои намерения совпадают с моими возможностями. И наверное, эта уверенность помогла мне в самый ответственный момент. Закрыв глаза, погрузился во внутреннюю суть — розовый туман вцепился в меня без раздумий, так пиранья бросается на опущенный в воду кусок мяса. Несмотря на боль, пронзившую все тело от макушки до пальцев ног, я почти не сопротивлялся. Заполнивший меня до краев розовый туман вырвался наружу — во все стороны устремились щупальца какой-то нереальной и неестественной для этого мира энергии. Они вышли за корпус транспорта, взметнулись к ракетам, прошли дальше... через десяток потоков машин, через эстакады и здания, и коснулись отставших истребителей.

А потом в голове взорвалась ядерная боеголовка, нахлынули боль и... свет. На этот раз я точно был мертв — ведь не может человек жить с разmozженной головой. Но хотелось прожить, продержаться, понять... Я собрал волю и ощутил, что все получилось. «Розовые щупальца» каким-то образом изменили вибрацию двигателей преследовавших нас штурм-истребителей, настроили частоты и импульсы электрооборудования на другой лад... На тот, который был у нашего транспортника: одно из моих щупалец походя изменило его параметры, так что сейчас настройщик на заводе выпучил бы глаза и чесал бы затылок, пытаясь понять, что же случилось с его оборудованием.

Мои веки были опущены, но я и без того отчетливо видел, как под своим цельнометаллическим забралом бледнеет пилот: мы вылетели из центра города, и теперь воздушные коридоры были пустынные, а мест, чтобы уклониться и спрятаться, практически не осталось. Пилот, на-

блюдая в монитор за приближением жнецов Смерти, уже мысленно прощался со своей женой и дочкой, которые жили где-то в богом забытой колонии, как вдруг ракеты будто натолкнулись на невидимую стену. Замерли на секунду в воздухе, а потом резко развернулись и рванули куда-то в обратном направлении. Пилот прилип к монитору и смотрел в него так долго, что едва успел избежать столкновения с идущим впереди грузовиком. А я, все еще не находя сил открыть глаза, увидел, как военные штурм-истребители превратились в две вспышки и кучу мелких горящих обломков. Вспышки были настолько яркими, что озарили даже белый день.

— Как же мне плохо, — простонал, поднимаясь по спинке кресла.

— Я вас понимаю, — прохрипел магистр.

Недоверчиво посмотрел на него и отвернулся, потому что, если бы я пригляделся, мог бы безошибочно сказать, что он ел сегодня на завтрак.

— Сияющий, — протянул пилот... — вы... вы... Вы тот, кого я ждал всю жизнь!

Я не понял, что он сказал, да и не хотел понимать, превозмогая слабость, подвинул кресло и приоткрыл дверь кабины.

— Как вы, ребята? — спросил у повернувшихся ко мне двух десятков пар оранжевых линз.

Вместо ответа командир поднял вверх большой палец.

— Ну отлично, — проговорил, закрывая двери.

Может быть, этих парней сейчас мутило из-за невероятной болтанки, но, по крайней мере, заблевать свой скафандр они не могли — системы жизнеобеспечения должны были впрыскивать в них какие-то антишоковые, успокоительные и прочие препараты.

— Сколько до космопорта? — спросил я.

— Шесть минут, — отозвался пилот.

— Успею.

Пилот не стал расспрашивать, а я не стал пояснять. Он только украдкой проследил за тем, как мои пальцы пробежались по сенсорной клавиатуре, как заставили монитор

подключиться к Мировой инфосети и как резво запросили там всю информацию, касающуюся ракет. А вот то, с какой скоростью я читал килотонны виртуального текста, думаю, точно не оставило его равнодушным — впрочем, под металлической маской не было видно выражения лица.

Я всего лишь изучал устройство электронной начинки ракет. Дабы в следующий раз, вместо того чтобы переделывать «след» вражеских машин, просто перехватить управление. Было бы в запасе чуть более тех нескольких секунд, отделявших от них наш транспортник, рискнул бы и попробовал это сделать. Но так уж получилось, что о «летающих авто» я знал больше, чем о боевых ракетах...

Через несколько минут, промелькнувших для меня стремительно, как падающая в ночном небе звезда, наш катер стал сбрасывать скорость и плавно снижаться. Мы нацелились на то, что я сначала принял за главное строение гигантского заводского комплекса, — это здание представляло собой монументальную цилиндрическую башню, возвышавшуюся, словно одинокий утес, над морем из строений-карликов, каких-то вагончиков, передвижных башенных кранов, вагонеток и прорезающих все это из конца в конец беспарных рельсов.

— Это и есть космопорт? — не поверил я.

— Да, Сияющий, — отозвался пилот.

— Я ожидал увидеть что-то... внушительней. А где корабли?

Вместо ответа пилот указал в сторону башни, а точнее, Башни. Сейчас, когда мы приблизились, сооружение выросло и расширилось в тысячи и даже в десятки тысяч раз. Башня отличалась от всего, что я видел на Аливрии, не только формой и необъятными размерами, но и материалами, из которых была спаяна. Листы обшивки оказались стальными и держались на огромных, хорошо заметных клепках; редкие окна из темного непрозрачного стекла по длине более подошли бы витринам магазина, а всяческие приборы, вывешенные на металлических стенах, словно

уродливые кондиционеры на фасадах исторических зданий, пестрили формами и разнообразием цветовых оттенков.

Пока катер огибал необъятную Башню, я не сводил взгляда с ее стен и силился понять, почему во многих местах блестящие металлические плиты покрыты слоем сажи, а кое-где видны последствия серьезной температуры, заставившей металл оплавиться и потечь, словно свечной воск.

Над нами раздался дикий визг, показалась, что Башня падает и вот-вот раздавит нашу посудину, как муху, но визг продолжил нарастать, несколько десятков плит заколыхались, задрезжали и пришли в движение, расходясь наружу и в бока. Я заметался в кресле, совсем как Дон Кихот в седле, не знающий, хвататься за копье или за меч, глазами пробежался по пульту и мониторам перед собой. Но пришедший в движение гигант оказался всего лишь мельницей: открыв свой необъятных размеров зев, Башня медленно высунула полыхающий пламенем, дрожащий металлический язык...

Боже, у меня большое воображение! Разумеется, это был не язык, а огромный космический корабль, который закрыл собою небо и на маневровых, работающих на реактивной тяге двигателях выдвигался из ангара. Вот же он, космопорт. Вся эта Башня есть не что иное, как вместительные космических кораблей, сюда наверняка поместятся десятков, а то и два десятка звездолетов размером с боевой фрегат.

Как только корабль над нами полностью вышел из башни, его днище осветилось синим и красным — это включились форсажные и маршевые двигатели. Они, качнув и едва не опрокинув нас на землю, в одно мгновение подбросили огромную массу металла куда-то в стратосферу.

Пилот на секунду повернул ко мне шлем-маску, но на моем лице уже исчезло выражение восхищения: эта башня не шла ни в какое сравнение с «Эльвой», которая за-

просто могла вместить весь этот космопорт в какой-нибудь не самый большой из своих ангаров.

Пилот завел катер в ангар, из которого только что вылетел корабль, и посадил его в самый угол, поближе к техникам, солдатам и людям в гражданской одежде, которые плотно усеяли четыре яруса, примостившихся к стене. Как только я в сопровождении десятка солдат покинул корабль, раздались овации и целая буря восклицаний. Вскоре рукоплескания и выкрики в стиле «Слава Сияющему!» сменились коллективным падением на колени, челобитиями, а один самый ненормальный спрыгнул с первого яруса и, прежде чем его блокировал мой конвой, испросил разрешения принести себя в жертву, причем в жертву лично мне.

— Они тут все с ума посходили, — произнес я, ошалело наблюдая за тем, как два солдата подняли бьющееся в конвульсиях тело фанатика и передали его на руки группе техников в синей форме.

— Нет, Сияющий, — опроверг мою версию магистр, — они просто вне себя от счастья. Многие из них ждали вас всю жизнь, а у других были отцы и деды, которые давно состарились и умерли, но так и не дожили до вашего пришествия.

— Я что, Иисус, что ли? — бросил в сердцах. — Вообще не понимаю, почему меня ждали — я всего лишь продукт каких-то экспериментов ваших психованных ученых.

— Мой господин, — покачал головой магистр. — Неважно, кем вы считаете самого себя, ваше прошлое не имеет никакого значения. Известно, что вы Первый Бог. Мессия, который укажет человечеству верный путь и даст понимание смысла жизни. Только одним своим существованием вы подарили нам, вашим верным слугам, Великую цель, мы счастливы и безмерно благодарны.

Солдаты, все это время тщательно следившие, не появится ли агрессия в рядах ликующих, не осознавая того, что делают, закивали при последних словах магистра, и я понял: этот мир прогнил больше, чем мне казалось. Насколько нужно быть серым, унылым, лживым, однообраз-

ным, чтобы сотворить таких людей. Римская империя и ее преемник Соединенные Штаты всегда считались передовыми центрами развлекательной индустрии, а Аливрия — целиком и полностью их наследие. Человеку не хватит жизни, чтобы насладиться вполне или хотя бы испробовать все существующие виды развлечений, разнообразные способы выхода из реальности, погружение в пучину распутства, наконец. Но все же Система где-то дала сбой, не смогла переварить и выпустила из своих цепких лап всех этих верующих. Верующих даже не в меня, а в мифического Бога, который придет и все исправит. Откроет им смысл бытия, объяснит замысел Вселенной, породившей такое творение. Наконец станет понятно, для чего радуемся, страдаем, живем и умираем, и тогда мир погрузится в вечное блаженство... Как глупо. Ни я, ни кто-либо другой не сможет ответить на эти вопросы, и уж тем более никто не придет, чтобы все исправить. Я могу только попытаться раскрыть глаза человечеству, помочь осознать, в каком дерьме оно находится. А осознание — первый шаг к исправлению.

Солдаты провели нас с магистром к выходу из ангара, а затем и к одной из бесчисленных стеклянных лифтовых шахт, разветвляющихся в чреве Башни подобно артериям в организме человека. Сверхскоростная кабина лифта прибыла на наш этаж практически мгновенно и уместила весь взвод, меня и магистра. Двигающаяся за нами процессия с тем же успехом оккупировала другие лифты, и через несколько десятков секунд без всякой тошноты и головокружения мы, преодолев расстояние с полмили, оказались, наверное, под самой крышей космопорта.

Зал встретил нас унылыми взглядами стоящих на коленях и держащих руки за головами служащих и тремя десятками охраняющих их солдат. Старший из конвойных отдал честь командиру взвода, увидев меня и магистра, замаялся, но после сделал вид, что не узнал или не заметил, и продолжил доклад:

— Генерал, космопорт полностью под контролем! Бои идут в нескольких милях от наших позиций. Захвачено

три фрегата, один гражданский транспортник, три больших и десять малых грузовиков. Два фрегата уже выведены в космос и прикрывают нас с орбиты. В здании находится примерно полторы тысячи пленных, в основном слушающих космопорта, а также экипажи кораблей.

— Отлично, капитан. Пленных запереть, всех наших людей в третий фрегат. Стартуем через пять минут.

— Есть, сэр!

Не обращая более внимания на окружающую чехарду, «командир взвода», который на самом деле и был генералом, быстрым шагом повел нас в посадочный ангар. Там без лишних слов отправил всех на трап а-ля эскалатор.

Чем отличается фрегат от корвета, эсминца или другого бороздящего космос аппарата, я пока не знал, но корабль не поражал размерами. Относительно большой (наверное, при необходимости сумел бы вместить в себя целую танковую дивизию), он казался мне невзрачной грудой металлолома. Что ж поделать — влияние «Эльвы».

Изнутри звездолет был не лучше — низкие потолки, узкие коридоры. Залы, через которые проходила наша процессия, казались крохотными комнатками, к тому же до отказа забитыми с трепетом глазающим на нас персоналом.

Командная палуба оказалась средоточием зла — это была та же биржа с сотнями громко переговаривающихся людей, разве что вместо деловых костюмов на всех присутствующих красовалась форма офицеров и солдат ОСА — так сокращенно именовали Объединенные Системы Аливрии. Мой «карманный генерал» оставил нас, проводив до капитанской рубки. Мы с магистром оказались не у дел. Тут всем заправлял некто, именуемый «капитаном», и в моем понимании он действительно им был. Его белая форма и фуражка с прямоугольным козырьком на первый неискушенный взгляд ничем не отличались от тех, какие носили американские адмиралы в мое время. Лента наград не смотрелась излишне пафосно на широкой груди, а несколько звезд на погонах не особо выделялись на фоне золотых пуговиц. Даже глубокий белый

шрам, тянувшийся через всю щеку, почему-то выглядел настоящим, боевым, а не полученным в какой-нибудь пьяной драке.

Капитан кивнул мне как старому другу и, отвернувшись, продолжил отдавать перед экраном отрывистые команды. В общем, чтобы не мешать царившему здесь полезному хаосу и творческому беспорядку, мы с магистром заняли в уголке пару кресел и сделали вид, что происходящее нас несколько не интересует. Впрочем, как я вскоре заметил, офицеры, техники и их помощники, семенящие по рубке с самым сосредоточенным видом, также пытались сделать вид, что в упор нас не замечают. Однако от угла, в котором засели мы с магистром, все старались держаться подальше, а если и заходили сюда по какой-то надобности, непременно сбивались с шага, спотыкались, что-нибудь роняли или возбужденно дрожали.

Капитан начал обратный отсчет, и с каждой произносимой им цифрой включались все новые линии турбин двигателей. Корабль мелко задрожал, оторвался от поверхности и медленно поплыл навстречу полосе неба, видневшейся в открывающихся ангарных воротах. Когда черед дошел до «ноля», сосредоточенный капитан произнес: «Вторая космическая!» — и в ту же секунду серое небо на мониторах сменилось россыпью серебряных звезд и умопомрачительной картиной голубой планеты, увенчанной сразу двумя белыми шапками.

Однако смотрел я на это великолепие от силы пару секунд: коротко взвыла сирена, механический голос объявил, что корабль атакуют, а присмиревшие люди вдруг заметались и засуетились. Капитан вновь начал отдавать команды, но его голос потонул в гвалте:

— ...передача резервных ресурсов процессоров на... АРС активирована... ..зенитный комплекс приведен в повышенную... Внимание, «Миссисипи» терпит... ..«Сердце Эльвы» открыл огонь...

— Что происходит, черт возьми?! — крикнул я, схватив за рукав пробежавшего мимо офицера.

— Сияющий, сэр, в Солнечную систему вошел Первый

флот и сразу нас атаковал, — скороговоркой отрапортовал он. — Фрегат «Аполлон-два» практически уничтожен; фрегат «Миссисипи» выходит из дока «Сердца Эльвы» для оказания поддержки, но его атакуют две эскадрильи истребителей; «Сердце Эльвы» открыл огонь из главных орудий по крейсерам Первого флота; к нам приближаются тяжелые торпеды и крылатые ракеты.

Я разжал пальцы и, не глядя, куда понесся освободившийся офицер, опустил резервный терминал управления и забарабанил по сенсорной клавиатуре.

Представшая передо мной картина удручала: «Аполлон-два», тот самый корабль, старт которого я видел, когда мы приближались к башне-космопорту, превратился в мешанину из крупных и мелких обломков, среди которых полыхала яркая зарница — что-то догорало, бесшумно взрывалось, откуда-то вырывались струи воздуха, что-то летело прочь от этого кромешного ужаса. С замиранием сердца я смотрел, как сохранившаяся в целости задняя часть корабля, ведомая все еще работающими двигателями, медленно пробилась сквозь обломки и поплыла дальше в космический океан... Удаляющуюся синеву, отраженную десятками сопел, я наблюдал еще секунд тридцать, прежде чем яркая вспышка взрыва возвестила об окончании пути некогда величественного корабля. Но все это отпечаталось лишь на краю моего сознания — внимание поглотили «Эльва» и «Миссисипи».

Исполняя отданный мною впопыхах приказ буквально, все члены моего Ордена, кроме тех, которые добровольно остались сдерживать наземные войска и прикрывать бегство всех остальных, погрузились на три захваченных фрегата и устремились в доки «Сердца Эльвы». Разумеется, интервал между стартом кораблей вышел минут в пять, и второй звездолет находился ровно на полпути к «Эльве», когда был застигнут вторгшимся в систему флотом ОСА. Первый фрегат, «Миссисипи», попытался ему помочь: едва зайдя в док «Эльвы», «дал задний ход», но тут же оказался под огнем налетевших на корабль истребителей. Самой «Эльве», кстати, приходилось совсем несладко: почти

вся зенитная защита, которую она успела возвести, рухнула; пушки Гаусса повредили лишь несколько линейных крейсеров врага и были разбиты огнем корветов. Теперь вражескому адмиралу оставалось только подвести тяжелые корабли поближе и в упор расстрелять беззащитный колосс.

Нас, разумеется, тоже заметили. Заметили, но не придали особого значения: выплюнули в нашу сторону пару десятков ракет и торпед, потом отправили вслед им пяток корветов — так, добить, что уцелеет. А судя по разгорающейся на мостике панике, уцелеть могло мало что. Насколько я понял, фрегат — штурмовой корабль, предназначенный в основном для взламывания линий обороны чужого флота. ПРО и антиторпедных систем на нем установлено с гулькин нос, а значит, эти три десятка ракет перемолотят нас, как жернова.

По мере приближения торпед хаотические и нервные движения людей замирали, голоса становились все тише. В конце концов в капитанской рубке повисло гробовое молчание. Люди замерли, словно лишенные питания андрониды, смотрели в мониторы без эмоций и без всякой надежды. Кое-кто даже начал молиться. Капитан, доселе казавшийся несокрушимым, не знающим никаких чувств утесом, опустил руки и сгорбился.

На меня накатило детское желание сделаться супергероем, щелкнуть пальцами и спасти всех. Я встал, расправил плечи, уставился в монитор. Между моими бровями прорезалась складка, взгляд, как я сам ощущал, стал суровым и властным. Краем глаза замечал, как взоры обращенных ко мне людей загорались надеждой, как выпрямлялись спины и сжимались кулаки. Окружающие вновь обретали веру — кто-то другой, умный и могучий, придет и все наладит.

Я закрыл глаза и почти не приложил никаких усилий для того, чтобы сущность, дремлющая в потаенных глубинах, проснулась и накинулась на меня, как голодный лев на добычу. Тело стало будто ватным, ноги не выдержали, подломились, я упал на колени, а давление изнутри все

нарастало. Уже был уверен: вот-вот потеряю сознание, но мой мир, сжавшийся в розовый ком, вдруг будто взорвался — от меня, словно от сброшенной на город атомной бомбы, во все стороны понеслась силовая волна.

Боль исчезла. Я медленно поднялся на дрожащих ногах и с удивлением стал разглядывать мостик и людей, смотрящих на меня с суеверным ужасом в глазах. Трудно было понять, как они выжили и почему выброшенная из меня энергия не разорвала весь этот корабль.

Тем временем кто-то придавленно вскрикнул, все взгляды обратились на него, и вдруг многоголосый ликующий вопль разодрал повисшую тишину.

— Капитан, сэр! — воскликнул один из офицеров. — Торпеды повернули назад... Смотрите!

На главном экране сменилось изображение, и все буквально вмерзли в него взглядами, наблюдая за тем, как четкая линия корветов, которые должны были стереть нас в пыль, разламывалась под ударами свихнувшихся торпед. Некоторые корветы пытались их отстреливать, другие совершали противоракетные маневры, третьи старались уйти назад, но один за другим все они взрывались и разламывались на части, и мне почему-то несколько не было жаль их мечущиеся в ужасе экипажи.

Улыбающийся капитан повернулся ко мне, шрам на щеке заблестел в ярком свете:

— Спасибо, Сияющий!

Я в ответ пожал плечами: не его спасал.

— «Сердце Эльвы» продолжает находиться под бомбардировкой флота, и я не знаю, что можно сделать. Какие будут приказания?

То, что «Эльве» совсем хреново, я видел и сам. Тысячи истребителей, бомбардировщиков и прочей мелкой шушеры носились вдоль ее обшивки, сыпали снарядами и, наверное, чувствовали себя безнаказанными блохами на ленивом псе. То, во что превратилась обшивка и ближайшие к ней отсеки, более походило сейчас на ветошь, чем на броню боевого корабля. А тяжелые торпеды только-только начинали свой медленный, но неотвратимый по-

лет — сверхтяжелые корабли уже выходили на расстояние оптимальной дальности стрельбы и примеривались, как разнести корабль в клочья.

— Мы можем куда-нибудь смыться? — спросил я. — Желательно, в другую часть галактики.

— Да, сэр, но в этом случае, даже если «Миссисипи» и «Эльва» смогут включить гипервременные двигатели, нам будет крайне затруднительно установить с ними связь.

— Предоставь это мне. Я не вижу «Миссисипи», фрегат уничтожен?

Прежде чем ответить, капитан несколько секунд глядел на колонки данных на мониторе.

— Нет, сэр. Он получил критические повреждения и был вынужден зайти в док «Сердца...»

— Ясно.

Чтобы нащупать «разум» «Эльвы», не пришлось даже концентрироваться и закрывать глаза. Правда, я едва не потерял с ней телепатическую связь из-за шока: вместе с мыслями Эльвы меня захлестнула исходящая от души корабля волна паники и ужаса. Так могла бояться косуля, загнанная стаей волков.

— Эльва, сматывайся куда-нибудь! — безмолвно заорал я, испытывая неподдельный страх. — Включай гипервременные двигатели и сматывайся!

Ответа так и не услышал. Может быть, из-за того, что все-таки не до конца сосредоточился, а может, все дело было в страхе, гложущем Эльву, но практически в то же мгновение зад колосса полыхнул синим, немного сместился и исчез со всех экранов. Я мог и ошибиться, но, кажется, еще секунду в космосе висела жирная синеватая полоса.

— «Сердце Эльвы» вышел из системы. Какие будут приказания, сэр?

— Капитан, уходим отсюда, — устало произнес я, наблюдая, как перестраивается флот ОСА.

— Место назначения, сэр?

— Куда угодно, только быстрее!

Капитан молча придвинулся к голографическому эк-

рану, подвинул и поменял местами какие-то значки. В ответ корабль мелко задрожал. Я уцепился за спинку кресла — еще секунда, и гипервременные двигатели унесут нас в другую галактику...

Именно в этот момент корабль был атакован обманувшим сенсору и подошедшим к нам незамеченным корветом ОСА.

Глава 2 МЯГКАЯ ПОСАДКА

Не знаю, был ли корвет одиноким волком, или к нам подкралась целая стая, но за мгновение до включения временных двигателей мостик еще раз залил красный свет — сигнал тревоги. Капитан дернул голову влево, и я увидел, как волосы, выбивающиеся из-под его фуражки, поседели в мгновение ока. Теперь та фуражка, которой он так гордился, стала практически неотличима по цвету от его шевелюры. Не думал, что возможно поседеть за секунду...

А на мониторе, в который капитан пялился, был схематически изображен наш фрегат; на самом краю — вчетверо меньший корвет и идущий от него сплошной поток небольших точек, явно ракет. Я попытался воззвать к своей внутренней сути, но, кроме волны усталости и опустошения, ничего не обрел.

А первая мигающая точка уже приблизилась к звездолету, оставалась надежда на временные двигатели, однако корабль все еще дрожал и никак не убирался из этой части космоса. Точка вонзилась в бок фрегата... Я чуть было не зажмурился, но все же заставил себя глядеть на экран. Точка взорвалась, но фрегат не пострадал — неожиданно проявившаяся на схеме едва видимая линия отделила ярко вспыхнувшую звездочку от корпуса корабля.

— Силовое поле, — пояснил магистр, как и я, не отрывавший взгляда от экрана.

В душе зажегся огонек надежды, однако тут же погас,

когда взявшийся из ниоткуда размеренный голос объявил:

— Внимание. Говорит СНИЖ¹. — Корабль входит во временной туннель. Экипажу и персоналу надлежит немедленно пристегнуться. Начинаю короткий обратный отсчет... Три...

— Ненавижу... — сами по себе прошептали мои губы.

Во время этой речи я не отрывал глаз от монитора, все ждал, когда проклятая машина закончит болтать и унесет меня на другой конец Вселенной. Она бы успела, если бы не этот дурацкий отсчет! Три ракеты практически у корпуса!

— Два...

Первая из трех коснулась нас, но, как и предыдущая, осталась ни с чем — линия силового поля надежно удержала ее в стороне. Вторая ракета ударила следом и... Погас свет, вырубилась все экраны, за спиной почудилось ледяное дыхание Смерти, но мониторы ожили, свет на мостике мигнул, потом еще раз и наконец стал гореть ровно, как прежде.

— Система защиты забрала девяносто девять процентов мощности, однако смогла включить щит, — тихо произнесли женским голосом, но в мертвой тишине он был подобен карканью ворона над умирающим в пустыне.

Я оглянулся — это оказалась женщина-офицер, сторбившаяся над монитором и беспомощно сложившая руки на сенсорной панели. Я с удивлением увидел, что ее недавно ухоженные, наманикюренные ногти обкусаны...

— Один...

Третья ракета вонзилась в корпус, и никакая линия перед ней не вспыхнула. Корабль ощутимо вздрогнул — аппарат искусственного тяготения не мог приноровиться и добавить в расчеты новую инерционную силу. Он пытался стабилизировать положение, но результаты, которые выдавал каждую новую секунду, оказывались заведомо ошибочными — видимо, ракета была оснащена несколькими

¹ Система Навигации и Жизнедеятельности Корабля. — *Здесь и далее примеч. авт.*

скрытыми боеголовками, которые активировались после взрыва основной. И вот сейчас мы имели не просто пробитый корпус и искореженный взрывом отсек, а десяток далеко не синхронных взрывов внутри корабля. С каждым новым толчком я будто бы все отчетливее видел, как сметаются перегородки, рвутся линии обеспечения, загораются палубы, в ярких вспышках взрывов гибнут люди... Я все это видел, несмотря на то что меня то плющило, то распирало, бросало вбок, потом встряхивало. Когда потемнело в глазах, а желудок будто свернулся спиралью, раздался безмятежный голос СНИЖа:

— Ноль. Туннель открыт.

Не представляю почему, но колбасить враз перестало. Я выпрямился в кресле, вздохнул полной грудью. По правде сказать, пару раз меня подбросила неведомая сила, стремящаяся вырвать тело из кресла и ударить куда-то в потолок, но она не могла сравниться с тем, что происходило несколько секунд назад. Может быть, взрывы внутри корабля прекратились, и система искусственного тяготения наконец рассчитала все, что нужно, или же мы остановились в классическом понимании этого слова — при движении вне времени вступают в действие законы, которые мне пока неведомы. Но как бы там ни было, я, презрев почти привычную вибрацию корабля, проходящего сквозь временной тоннель, нажал на красную кнопку. Автоматический ремень выпустил меня из кресла безмолвно, и никакая предохранительная система не попыталась возразить.

Не обращая внимания на вибрацию, треск внутри корабля и стон деформирующегося металла, я, используя в качестве поручней все, что можно, направился к расprostертым на мостике телам. Капитан и несколько офицеров в момент взрыва находились не в креслах, которые спасли многих, им пришлось оставаться на ногах. То, что они пережили, думаю, было, мягко говоря, ужасно...

Добравшись до капитана, с удивлением обнаружил, что тот жив и даже приходит в сознание. Не считая потерянной где-то фуражки и волос, ставших пепельными, с

ним вроде все было в порядке. Первое, что он спросил, когда я его поднял: как долго мы находимся во временном туннеле? Услышав ответ, резво бросился к монитору и стал отбивать мелодичный ритм на сенсорной клавиатуре.

Я же аккуратно проверил тела трех лежавших на полу офицеров и подметил сразу две вещи: во-первых, капитан оказался сущим счастливымчиком, во-вторых, при первых признаках атаки или входа во временной тоннель нужно срочно бежать к креслу и надеяться, что автоматический ремень безопасности не подведет. В противном случае имеется неплохой шанс повторить судьбу этих неудачников, у одного из которых оказалась сломана шея, у второго разможжена голова, ну а третий так вообще...

— Мы живы?

Я оглянулся. Мисс Изжеванные ногти пришла в себя и озиралась, будто не понимала, где находится. Вслед за ней один за другим стали приходить в сознание и другие члены экипажа. Они все не спешили отстегиваться, с вопросом в глазах смотрели на капитана, но тот стоял к ним спиной, не замечал этого и ожесточенно продолжал метель клавиатуру.

Стон корабля на этот раз был просто оглушительным, он испугал не только меня, новичка в межзвездных перелетах, но и опытных офицеров. От греха подальше, я вернулся в свое кресло.

— Капитан, сэр, — крикнул второй помощник, — мы движемся дольше расчетного времени!

— Опасность, сэр! — подхватил кто-то другой. — Достигнут предел мощности реактора, сэр!

— Энергия в накопителях отсутствует!

— Э-э-э... сэр, нужен доклад о повреждениях?

— Заткнитесь все! Без вас знаю.

На мостике повисло молчание, его нарушали лишь звуки, которые издавала клавиатура в момент, когда палец капитана бил по очередной сенсорной кнопке. В моей крови заиграл адреналин, он требовал выхода, не находил его и поэтому заставлял тело дрожать от возбуждения.

Рядом засопел магистр, он поднял голову, огляделся,

потом уставился на меня. Ошарашенное выражение его лица и осоловелые глаза почему-то немного меня разве-селили, но, когда тот вновь уронил подбородок на грудь и закрыл глаза, я, признаться, испугался. Впрочем, пульс вполне прощупывался. Состоянием здоровья спутника голову забивать не стал, повернулся к ближайшему технику:

— Что происходит?

— После расчетов места назначения в корабль попала ракета, — шепотом произнес он. — Наша масса и другие физические величины изменились...

— И что?

— Сияющий, расчетная точка сместилась. Мы можем оказаться где угодно... В других галактиках, в пустотах между галактик, около планеты, метеорита или даже внутри них. Кроме того, если наше движение во временном туннеле продлится еще какое-то время, существует риск дефицита энергии — все ее запасы были израсходованы щитами, — и как только нарастающее потребление гипервременных двигателей перейдет определенную черту, случится...

— Что случится?

— Я не знаю. Никто не знает. Такое бывало достаточно часто. Корабль, входящий во временной тоннель с опустошенными накопителями, примерно в одном случае из трех исчезал навсегда. Гипотез очень много, но еще никто не мог объяснить толком, что с ним происходило.

— Понятно, — сказал я упавшим голосом, но тут же спохватился: — А есть идеи, что можно сделать?

Техник покачал головой:

— Разве что молиться.

— Кому? — поинтересовался я.

— Полагаю, вам. Ведь вы наш бог, Сияющий.

Я невесело усмехнулся:

— Даже если бы я и мог хоть что-то сделать, то только не сейчас. Я опустошен, внутри меня нет ничего — изменение курса ракет отняло все силы... Прости.

Он ничего не ответил, а я оглянулся и увидел десятки

обращенных ко мне глаз. Хотя мы говорили полусшепотом, все, включая офицеров и техников, сидевших за дальними пультами, отлично нас расслышали. Тем более странно, что надежды в их глазах только прибавилось.

— Сияющий, — обратилась ко мне женщина с изжеванными ногтями, — я слышала... Мне говорили, что молитвы дают богам силы, которые они используют для сотворения чудес. Это так?

Пожал плечами — понятия не имею, как там у настоящих богов, если я и бог, то выращен искусственно.

— Ну тогда, — продолжила она, — я помолюсь всем сердцем.

— И я... — шепнул техник, закрыв глаза, склонив голову и для чего-то приложив ладони к груди.

Оглянувшись, увидел, что все люди один за другим стали закрывать глаза, шевелить губами, а некоторые даже что-то бормотали. Магистр, который к тому времени очнулся и слышал большую часть разговора, тоже покрутил головой. Наверное, из трех десятков человек на мостике не молились только он и капитан.

Неожиданно магистр спросил:

— Капитан, можно я свяжусь с экипажем по громкой связи?

Тот, не отрываясь от экрана, дернул плечом:

— Делай что хочешь.

Магистр, даром что гражданский, выбил на сенсорной панели какую-то комбинацию и размеренным, каким-то жутковатым в этих обстоятельствах голосом заговорил, обращаясь вроде бы в никуда:

— Я, магистр Ордена, обращаюсь ко всем, кто меня слышит. Наш корабль находится в смертельной опасности. Мы ничего не можем сделать. Повторяю, мы не в силах ничего сделать. Все офицеры капитанского мостика признали это и склонили головы, молясь нашему богу. Наш бог один раз уже спас корабль, отведя от него сотни ракет, но силы его, как и Вселенная, не безграничны, ему нужна наша помощь. Поэтому преклоните колени и молитесь. Молитесь и будете спасены. Верьте и молитесь.